

другаснай сыравіны (17.06.2020); Заказала на “Аліэкспрэсе” новы трэнд купальнага сезона 2020 года (18.06.2020); Кампаніі эксперыментуюць з сацыяльнымі сеткамі: публікуюць у Instagram фатаграфіі і мемы, сціраючы мяжу паміж брэндамі і спажывацямі (02.07.2020); Сэрвісы дастаўкі ежы запускаюць свой мерч: футболкі, сумкі з фірменымі лагатыпамі (02.07.2020); Што да масак, то дызайнер з асістэнтам вырашылі: калі сусветным брэндам можна “хайпануць” на гэтай тэме, чаму беларусам нельга? (02.07.2020); Падлетак зрабіў гэта дзеля хайпу (18.06.2020); Мне здаецца, што “дыстанцыёнка” не паўплывала на якасць адукацыі, бо ў ёй ёсць вялікія перавагі: слухаць лекцыі ў «Zoom» больш зручна, чым у аўдыторыі (18.06.2020); Прычым на “дыстанцыёнцы” кожны адказвае за сябе (ва ўсіх студэнтаў асабістае заданне, якое неабходна выканаць цягам пары або пасля яе) (18.06.2020); Калі людзі хочуць быць датычным да добра і патрэбнай справы, але паехаць на пошукі не могуць, – хай ахвяраюць па два рублі нам на паліва, а не ставяць “лайкі”. Так і напішыце: “лайкі” нічым нам не дапамогуць у выратаванні чалавечага жыцця (18.06.2020); Калі свята скончылася, усе гледачы задаволеныя і пляскаюць у далоні. Або калі ставяць “лайкі” пад тваім відэа (25.06.2020); Зомбі-фэйк — страшылка ці сродак маніпуляцыі? (18.06.2020); Ужо не першы год пры дапамозе такіх суполак арганізуюцца так званыя “ўпіскі” і “флэты” (30.06.2020); Слова за слова — і спрэчкі нярэдка пераходзяць у бойкі, а фіналам чарговай “ўпіскі” становяцца крымінальныя справы (30.06.2020); Многія ўдзельнікі вырашылі кантраляваць свой статус: 23 працэнты змянілі настройкі, 37 працэнтаў стараліся не запуская праграму або хутка выходзілі з сістэмы, каб пазбегнуць канкрэтнага чалавека, а тры ўдзельнікі наогул выдалілі праграму з тэлефона, каб не “свяціцца” анлайн (24.06.2020).

Заклучэнне. Можна зрабіць выснову, што СМІ прыцягваюць новую аўдыторыю дзякуючы выкарыстанню сучаснай моднай лексікі ў публікацыях, стараюцца паднесці чытачам інфармацыю на зразумелай мове. Адзначым, што на першае месца па прадуктыўнасці выходзяць іншамоўныя запазычанні, прычым амаль выключна англамоўныя: мем (англ. meme), хайп (англ. hype), чэлендж (англ. challenge), трэнд (англ. trend), мерч (англ. merch), лайк (англ. like), фэйк (англ. fake), анлайн (англ. online), флэт (англ. flat).

1. Судзиловский, Г. А. Сленг – что это такое? / Г. А. Судзиловский. – М.: Воениздат, 1973. — 182 с.
2. Кочеткова, М. А. Культурологические аспекты сленга: сленг американских студентов (College Slang) / М. А. Кочеткова. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского гос. лингвистического ун-та, 2008. – 139 с.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НЕКРОНИМОВ БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

Самоховец А.И.,

*магістрант ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Мезенко А.М., доктор филол. наук, профессор*

В настоящей статье рассматривается актуальная проблема исследования культурно-исторического потенциала некронимии и некротопонимии, а также особенностей их функционирования как особого пласта ономастической лексики. На материале белорусско-польского приграничья (территория условно охватывает северную часть Брестской и Гродненскую области) отражены национально-культурные особенности белорусского этноса, которые транслируются в наименованиях кладбищ.

Под некронимами мы, пользуясь термином ученого Х.Л. Ханмагомедова, понимаем широкий спектр наименований, включающий названия мемориальных захоронений, кладбищ, индивидуальных захоронений, братских могил и т.д. На сегодняшний день кладбища являются аутентичными памятниками, которые хранят в себе различного рода информацию о людях, некогда проживавших на той или иной территории, а изучение некронимов как лингвистических единиц открывает дополнительные возможности для понимания их природы и возможностей функционирования.

Цель данного исследования – выявление особенностей функционирования некронимов как ономастической периферии, их структурно-семантического многообразия.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили некронимы белорусско-польского приграничья. Для анализа материала были использованы описательный, сравнительно-сопоставительный, структурный, элементы статистического метода.

Результаты и их обсуждение. В начале XXI в. наименования мест погребений является наименее изученной, но одной из наиболее перспективных областей топонимики и микротопонимики. Профессор Вроцлавского университета Яцек Кольбушевский в своей монографии «Кладбища» мотивировал необходимость изучения некрополей цитатой французского маршала Фердинанда Фоша: «Родина – это земля и могилы. Народ, утративший память, утратит жизнь» [2].

Опираясь на наше предшествующее исследование [3] и положив в основу классификацию, предложенную Л.А. Захаровой [1], можно выделить следующие структурные типы некротопонимов:

I. Аффиксальный тип – топонимы, созданные посредством топонимических аффиксов).

II. Безаффиксный тип – топонимы, образованные без использования топонимобразующих аффиксов.

III. Сложные топонимы – слова, состоящие из двух или нескольких основ, осложненные и не осложненные аффиксами.

IV. Топонимы-словосочетания – наименования, состоящие из двух или более слов.

Топонимы, которые стали производящей основой для образования некронимов, имеют форманты со следующим значением:

1. Наиболее частотный формант –ово / -ево, -ино характеризует отнесенность данного объекта к населенным пунктам сельского типа и исторически являются отантропонимным («Дятлово», «Вороново», «Морино», «Зосино», «Вересково», «Велетово», «Грибово», «Вышково», «Вишнево»).

2. Формант –чина / -щина также свидетельствует об отантропонимном образовании производящего онима («Крышиловщина», «Александровщина», «Красовщина», «Людковщина», «Ленковщина», «Андреевщина»).

3. Формант –ичи /-овичи /-евичи первоначально фигурировал в названиях родовых коллективов, однако впоследствии «топонимизировался» («Кореличи» (карелы), «Александровичи», «Адамовичи», Алексичи», «Белавичи», «Васильевичи», «Большие Воробьевичи», «Войниловичи», «Волковичи»).

4. Формант –овка /-евка характеризуется относительно поздним происхождением. Он использовался для образования названий населенных пунктов от антропонимов («Кладбище Березовка», «Антоновка Храм Победоносца», «Богдановка», «Богушовка лесное», «Богушовка полевое», «Ольховка», «Плеховка лесное»).

Типичной моделью образования некронимов безаффиксным способом является трансонимизация (перенос ИС в другой класс онимов) с добавлением номенклатурного термина «кладбище», что позволяет выделить именуемый объект из ряда однородных («Кладбище Ставы», «Кладбище Раковица», «Кладбище Вулька», «Кладбище Юрье», «Кладбище Витошки», «Кладбище Козловичи»).

Сложные некронимы чаще всего образуются в результате сочетания субстантивно-го и атрибутивного компонентов

(«Белая Вежа + -ск- → «Беловежское кладбище»;

«Белое озеро» + -ск- → «Белоозерское кладбище»;

«Первое мая» + -ск- → «Первомайское кладбище»;

«Белая-Завершье», «Вишневка-Доманово», «Доброславка», «Борисы-Домачево»).

Особое место занимают наименования захоронений, так называемые топонимы-словосочетания, которые представляют собой развернутую синтаксическую конструкцию. Данная модель наименования является наименее распространенной, поскольку важным моментом является экономия лексических средств при достаточной информативности («Мемориальное кладбище польских солдат», «Кладбище Красных Партизан»,

«Старое еврейское кладбище», «Старое православно-католическое кладбище», «Кладбище воинов войска польского»).

Заключение. В действительности некрополи сегодня являются местами исторической и национальной памяти, а некронимы представляются «ключом» к пониманию того, какие исторические события происходили на данной местности, кто был ее представителями, какие культурные ценности им были присущи.

Анализ некронимов, их типов и моделей позволяет сделать вывод, в соответствии с которым большинство наименований кладбищ территории белорусско-польского приграничья – это структурно простые наименования, для образования которых использовались суффиксальные модели.

1. Захарова, Л.А. Аспекты изучения топонимической системы города Томска / Л.А. Захарова, Н.Г. Нестерова, Г.Н. Старикова // Вестник Томского государственного университета. – 2003. – № 6. – С. 177 – 185.
2. Kolbuszewski J. Smentarze / J. Kolbuszewski – Wrocław: Wydawnictwo Dolnoszlendzkie, 1996. – 366 с.
3. Самоховец, А.И. Некронимы как инструмент трансляции лингвокультурологической информации / А.И. Самоховец // Молодость. Интеллект. Инициатива: материалы VIII Международной научно-практической конференции студентов и магистрантов, Витебск, 22 апреля: 2020 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: И.М. Прищепа (гл. ред.) [и др.]. – Витебск ВГУ имени П.М. Машерова, 2020. – С. 268 – 269.
4. Ханмагомедов, Х.Л. Топонимия территории со сложной географической средой и этноязыковым составом населения (на материале Дагестана): автореф. дис... д-ра геогр. наук / Х.Л. Ханмагомедов. – Баку, 1996. – 43 с.

МЕТОНИМИЯ КАК СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ НЕОФРАЗЕМ

Столярова А.Н.,

*аспирант УО «МГПУ имени И.П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь
Научный руководитель – Кураш С.Б., канд. филол. наук, доцент*

Активное пополнение лексики и фразеологии – особенность современного этапа развития русского языка. Наиболее плодотворными способами фразеомобразования являются метафоризация и метонимизация переменных словосочетаний. В связи с этим цель работы – выявить и описать неологизмы, образованные путем метонимического переноса.

Материал и методы. Материалом для исследования стали неологизмы русского языка (400 единиц), отобранные автором из публикаций в сетевых СМИ Беларуси: Он-лайнер (Онл.), ТутБай (ТБ), СБ. Беларусь сегодня (СБ). Методы исследования: метод сплошной выборки при отборе материала, описательный метод, компонентный и контекстный анализ.

Результаты и их обсуждение. По определению теоретика лингвистики А.А. Потебни, метонимия есть «всякое изображение или представление явления (вещи, действия и состояния, качества) в виде одного из его моментов, в том числе и в виде впечатления» [1, с.247]. Данное определение конкретизировано Н.Д. Арутюновой в Лингвистическом энциклопедическом словаре: «Метонимия – троп или механизм речи, состоящий в регулярном или окказиональном переносе имени с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию» [2, с.300]. Л.Б. Савенкова подчёркивает, что на фразеологическом уровне метонимия «выступает в виде специфического фразеологического способа представления связей и отношений» [3], причем, по замечанию О.А. Титовой, формирование фразеологического образа на основе метонимии является менее сложным процессом по сравнению с метафорой, поскольку «не затрагивает глубинной сущности исходного значения» [4].

Анализируя фразеологические единицы, в которых перенос значения основан на метонимии, Ю.А. Гвоздарев описал наиболее распространённые типы метонимического переноса:

- 1) называние неодушевлённых предметов по одному из и несущественных признаков (белый билет);
- 2) называние человека по детали его одежды (голубые мундиры);